

За прошедшую неделю появилось несколько нетипичных банковских новостей: о приходе налоговиков с обсысками во французские банки, о предполагаемой связи многолетнего руководителя крупнейшего американского банка с пресловутым Эпштейном, о предпродажной суперприбыли Райффайзенбанка и его очередной попытке уйти из России, не уходя. Какова подоплёка этих событий?

ОТСТРАНЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ КРУПНЕЙШЕГО АМЕРИКАНСКОГО БАНКА КАК ШИРМА?

Ведущие американские и российские деловые СМИ сообщили о смещении с должности Джейми Даймона — главы крупнейшего американского банка JPMorgan Chase. Даймон — один из самых влиятельных и длительное время находящихся на своей должности банкиров США. В 2011 году еженедельник Time в списке самых влиятельных людей поставил Даймона выше тогдашнего американского президента Барака Обамы.

Удивляет как формулировка "смещение с должности", так и повод для этого смещения, а именно связь с Джеффри Эпштейном, причём не руководителя лично (банк провёл внутреннее расследование и опроверг данные о личных связях между Даймоном и Эпштейном), а именно банка как организации. Эпштейн был задержан в 2019 году по обвинению в торговле несовершеннолетними и тогда же скончался. Эпштейн также "засветился" на руководящей должности в одной из крупных финансовых пирамид с потерями инвесторов на 450 млн долл. и в использовании офшора на Виргинских островах, но без судебных решений и наказаний.

Поскольку связь между Даймоном и Эпштейном отрицается, следует искать иные скрытые и более важные причины, от которых отходит пубliku этим небольшим скандалом. Причины должны быть намного важнее испорченной репутации столь влиятельного банкира столь атипичным образом, когда вместо почётной пенсии в истории останется такая отрицаемая связь.

В середине марта в США вскрылись проблемы довольно крупных Silicon Valley Bank и Signature bank. Триггером стала публикация аудиторской финансовой отчётности за 2022 год, в заключении к которой аудитор KPMG отдельно указал на изменения в учётной политике по ценным бумагам и кредитам, а также на ответственность руководства за оценку качества таких активов. Формально в аудиторской отчётности обоих банков фигурировали прибыли за прошлый год и достаточные для продолжения деятельности капиталы, которые фактически обнулились спустя полторы недели после публикации отчётности с аудиторским заключением.

Скандал с банком Credit Suisse начался также после публикации отчётности за 2022 год. Применительно к швейцарскому банку СМИ ранее написали, что американский регулятор дополнительно изучал аудированную отчётность, и потому её публикация была отложена. Аудитор PWC в своём заключении нетипично подробно прошёлся по проблематике справедливой оценки финансовых инструментов, резервов по кредитам и переоценке нематериальных активов. Несмотря на такие замечания и умеренные убытки, в аудированной отчётности был достаточный положительный капитал в 45 млрд швейцарских франков (1 франк — примерно 1,09 доллара).

Но спустя всего пять дней после подписания такой отчётности Credit Suisse был продан другому крупнейшему швейцарскому банку всего за 3 млрд франков, то есть в 15 раз дешевле капитала по отчётности и лишь за 1% от пиковой рыночной капитализации полтора года назад. Продажа сопровождалась игнорированием акционеров Credit Suisse, а также огромным льготным кредитом от Центрального банка (ЦБ) Швейцарии и разделом с ЦБ части убытков. Сделка и помощь якобы были согласованы всего за два дня, на что в реальности, скорее всего, потребовалось несколько недель ещё до публикации отчётности.

Банк JPMorgan Chase получил подписи на аудиторском заключении по отчётности за 2021 год 22 февраля 2022 года. На дату 1 апреля аудированная отчётность за 2022 год и заключение аудиторов всё ещё не опубликованы, хотя с аналогичной даты годичной давности уже прошли месяц и неделя. Что же такое будет написано в отчётности, что её публикацию задерживают столь длительное время и совершенно по совпадению заговорили об отставке Даймона, который, в числе многих своих обязанностей, должен эту отчётность подписать? Банк JPMorgan Chase по величине активов примерно в 18 раз крупнее, чем Silicon Valley Bank.

Ещё этот крупнейший банк имеет и крупнейший в американской истории штраф суммарно в 86 млрд долл. за свои спекуляции во время кризиса 2008 года. Возможно, спекулятивные операции (удачные или не очень) имеются и сейчас, а у американского прави-

Сергей АНУРЕЕВ
АТИПИЧНЫЕ НОВОСТИ

Призрак Эпштейна бродит по Нью-Йорку

тельства есть потребность залатать бюджетные дыры за счёт очередного огромного штрафа либо избежать огромных бюджетных трат на поддержку банка в случае эскалации скандала.

Второй по величине банковский гигант Bank of America опубликовал аудированную отчётность за 2022 год 22 февраля этого года. Аудиторы в своём заключении прошлись по резервам по кредитам и ответственности руководства за оценку кредитов. После публикации отчётности акции Bank of America обвалились на 17–20% и стоят теперь на 35% меньше, чем год назад, хотя деловые СМИ старательно уведомили читателей и инвесторов от отчётности, а падение акций пытались связать с двумя банкротствами других банков.

Третий по величине банк Citigroup также опубликовал отчётность, самым интересным фрагментом которой стало очень странное описание аудиторами проверенных процедур оценки кредитов, а также падение результатов по отчёту о совокупном доходе с 15 млрд долл. в 2021 году до 6 млрд долл. в 2022 году. Акции этого третьего банка стоят на 10% меньше, чем месяц назад перед публикацией отчётности, и на 18% меньше, чем год назад.

Четвёртый по величине американский банк Wells Fargo опубликовал отчётность с падением совокупного дохода с 20 млрд долл. в 2021 году до 1,5 млрд долл. в 2022 году, его акции стоят на конец марта минус 20% за месяц и минус 27% за год.

После почти обнуления капиталов Silicon Valley Bank, Signature bank и Credit Suisse в течение недели-полтора после публикаций аудированной отчётности с внушительными достаточными капиталами инвесторы явно нервничают в плане доверия к результатам работы крупнейших банков.

ФРАНЦУЗСКИЕ ВЛАСТИ ИСКАЛИ
ПЛОХИЕ АКТИВЫ И СВЯЗЬ С CREDIT SUISSE?

Обыски во Франции в офисах крупнейших банков (французских Societe Generale и BNP Paribas, британского HSBC) официально проходили по налоговой тематике. Якобы некоторые клиенты банков переводили акции на время выплат дивидендов на компании с низкими налоговыми последствиями. Указывалось на 160 следователей по финансовым делам и 16 прокуроров, начало расследования в конце 2021 года и потенциальные штрафы более 1 млрд евро. СМИ в августе 2022 года описывали похожую схему в Германии объёмом до 140 млрд евро вплоть до показаний канцлера Шольца, что в период его руководства Министерством финансов он о такой схеме не знал.

Сначала поставим под сомнение официальную версию. Во-первых, если акции можно временно (на несколько дней выплат дивидендов) перевести на компании с низкими налогами, то почему акции нельзя держать на таких компаниях постоянно? Во-вторых, неужели налоговые органы Франции и Германии столь архайчны, что проверяют владение акциями только на даты конца налогового периода и никак не за весь год? В-третьих, писали ли западные СМИ хоть что-то про массовые судебные решения и огромные штрафы, или налоговики не смогли отстоять свою правоту?

Переводы акций уже пару десятилетий делаются в электронном виде, а у финансовых разведок есть доступ к ключевым серверам банков, бирж и депозитариев. Или крупнейшие банки Парижа работают по старинке с бумажными документами, а у французских следователей сохраняется тяга посетить офисы и поковыряться в бумажных документах? Может быть, состоятельные французы и немцы — сплошь возрастные люди с предубеждением к цифровизации, предпочитающие оформлять рискованные с точки зрения налогов операции непосредственно в офисах банков на бумаге, и финансовые полицейские шли за такими документами?

Лучше посмотрим заголовки крупнейших СМИ за неделю между банкротством Credit Suisse и обысками по налоговой тематике. Прошли сообщения, что крупнейший немецкий банк Deutsche Bank сократил свои вложения в ценные бумаги Credit Suisse (правда, не ясно, с каких до каких величин), что крупнейший британский банк

HSBC начал тщательно изучать свои кредиты, связанные с ценными бумагами Credit Suisse в портфелях клиентов (странно, что IT-системы и системы риск-менеджмента этого банка не позволяли иметь такую информацию заблаговременно). Похожие сообщения были про французские и испанские банки. Также сообщалось, что акции крупнейших европейских банков упали на 8–14%.

Ценные бумаги, казалось бы, учитываются по справедливой стоимости (точнее, по рыночной стоимости, а ещё точнее — по самой минимальной последней сделке перед отчётной датой). Но можно "прогнать" через биржу с участием дружественных структур акций или облигаций на несколько миллионов евро или долларов и на этом основании нужным образом оценить пакеты ценных бумаг на миллиарды и даже сотни миллиардов. Под такие "прогнозы" ценных бумаг вполне могут быть в сейфах у топ-менеджеров "понятники" с контрагентами (краткие юридически обязывающие документы, которые уничтожаются после завершения операций). Токсичные активы в ценных бумагах по "справедливой" стоимости могут быть негласно обеспечены реальными активами, и такие "понятники" также где-то лежат и могут представлять интерес для следователей.

Немного истории банкротств, по которые написаны мемуары, параграфы учебников и сняты фильмы. Британский банк Barings был обанкрочен в 1995 году одним дилером Ником Лиссоном в Сингапуре, который (по официальной версии) умело прятал свои убытки в портфеле ценных бумаг, повышал ставки в надежде отыграть и делал всё большие убытки. Крупнейший итальянский молочный конгломерат Parmalat обанкротился в 2003 году с долгами только по облигациям на 14 млрд евро, когда обнаружилась фиктивность выписок по ценным бумагам, якобы связанных с Deutsche Bank и швейцарским банком UBS (покупателем задёшево проблемного Credit Suisse), которые служили обеспечением по банковским кредитам.

В 2007–2008 годах американские банки удачно перепродавали токсичные ипотечные облигации друг другу и европейским коллегам, да так, что тот же Deutsche Bank впервые в своей истории показал убытки, а эхо той истории отозвалось в 2019 году при разделении этого банка на хороший банк и банк неликвидных активов. Это только кажется, что с годами компьютерные технологии, всяческие контроли и аудиты устраняют вероятность таких проблем, поскольку махинаторы тоже совершенствуются.

Поэтому французские финансовые полицейские неслучайно нагрянули именно в офисы крупнейших банков именно после банкротства Credit Suisse и после публикации отчётностей проверяемых банков. Они явно искали что-то на бумаге, что-то вне массовых транзакций с ценными бумагами состоятельных клиентов, которые видны полицейским через системы дистанционного доступа. Может быть, силовые действия понадобились для принуждения руководителей банков к некоторому скоординированному с европейскими регуляторами антикризисному сценарию?

РАЙФФАЙЗЕНБАНК ОПЯТЬ УХОДИТ ИЗ РОССИИ?

СМИ и очередной раз сообщили о различных сценариях ухода австрийского Райффайзенбанка из России: продать дорого из-за огромной российской прибыли в 2022 году, вывести отдельно акции на какую-нибудь европейскую биржу (незвизрая на противодействие европейских регуляторов), передать под управление российскому руководству, обменять на активы австрийской же "дочки" Сбербанка. Далеко не первое сообщение такого рода и разнообразие сценариев указывают как минимум на то, что головной австрийский банк не хочет продавать российский бизнес, приносящий половину консолидированной прибыли.

Сценарий как бы продажи российского Райффайзена также сопровождается умеренными странностями и в публикации отчёт-

ности. Почему-то финансовая отчётность российского Райффайзена за 2021 год опубликована в своё время не была, возможно, из-за предоставленной Банком России возможности избежать такой публикации, но эта возможность давалась чисто российским банкам. Данные за 2021 год стали доступны в сокращённом виде в отчётности за 2022 год, формат которой просто включает данные за два года. Отчётность за 2022 год была предана огласке в так называемой публикуемой форме (упрощённо — для людей с умеренной финансовой грамотностью). Аудит полной версии отчётности за 2022 год также был проведён, но его результаты опубликованы не были.

Формально в отчётности за 2022 год показана внушительная прибыль в размере 141 млрд руб., тогда как в 2021 году прибыль составляла 39 млрд руб. Получается, что один Райффайзенбанк показал прибыль больше, чем все остальные российские банки, за исключением Сбербанка (прибыль Сбербанка составила 300 млрд руб., а Сбербанк примерно в двадцать раз крупнее российского Райффайзенбанка). По данным Банка России, банковская система в целом показала прибыль в 2022 году в размере 203 млрд руб., прибыльными были 78% банков, и вес прибыли Райффайзенбанка необходимо понимать в контексте ряда банков с крупными убытками.

Райффайзен оставался одним из крупных западных банков вне санкций, и в него оставалась изрядная часть международных расчётов из поставших под санкции крупнейших российских банков. Это находит своё подтверждение в виде роста комиссионных доходов с 11 млрд руб. в 2021 году до 77 млрд руб. в 2022 году, объясняя больше половины скачка прибыли. Однако чтобы понимать реальность прибыли, необходима более полная информация по кредитам и ценным бумагам, которые стали основной причиной проблем трёх указанных выше банков.

В целом же огромная прибыль Райффайзена указывает на то, что либо этот банк очень грамотно воспользовался санкциями, либо другие банки оказались куда более консервативными в оценках своих финансовых результатов, резервов по кредитам и переоценки ценных бумаг. Как минимум, в сценарии выкупа Райффайзена кем-то из российских инвесторов (как, например, Потанин выкупил Росбанк у Societe Generale и "Тинькофф" у его основателя) необходимо очень внимательно отнестись к такому отчётному гипероптимизму.

Как отмечалось выше, прибыль российского Райффайзена составляет без малого половину консолидированной прибыли головного австрийского банка, что само по себе интересно. Ещё более интересным является рост консолидированной прибыли с 1,3 млрд евро в 2021 году до 3,6 млрд евро в 2022 году, то есть в 2,6 раза. Райффайзен умудрился получить небольшую прибыль даже на Украине, где случился обвал экономики на 35%, при этом понести большие убытки в Польше, которая стала основным денежным бенефициаром событий вокруг Украины и чьим экономическим перспективам уже завидуют британцы.

Упомнутые в статье крупнейшие американские и швейцарский банки показали за 2022 год обвал прибыли в разы или даже на порядок по сравнению с 2021 годом, затем последовала быстрое обнуление капитала банков-банкротов. Основной причиной стала переоценка резервов по кредитам и рыночной стоимости облигаций на фоне резкого роста процентных ставок ФРС и ЕЦБ.

Только вот в консолидированной отчётности Райффайзена ценные бумаги и кредиты уценены в 2022 году всего на дополнительные 0,6 млрд евро до 3,1 млрд евро накопленной переоценки при совокупной величине ценных бумаг и кредитов на конец года в 140 млрд евро. Напомним, что обанкротившийся Silicon Valley Bank по размеру совокупных активов был почти как консолидированный Райффайзенбанк (около 200 млрд долларов или евро при курсе 1,09 доллара за евро), но переоценка при банкротстве "съела" весь собственный капитал в размере 16 млрд долл., а не 0,6 млрд евро минимальной переоценки Райффайзенбанка (эквивалент 0,7 млрд долл., для сравнения).

Действительно ли Райффайзен является уникальным островком не то что стабильности, а бурного роста прибыли? Оценку Райффайзена потенциальными российскими покупателями, а также одобряющими органами власти (Минфином и ЦБ) следует проводить с глубоким анализом гипероптимистичной отчётности этого банка, а также используя более консервативные финансовые результаты сопоставимых российских банков (применительно к российской дочке Райффайзена) и крупных западных банков (применительно к головному Райффайзену).

Автор — доктор экономических наук, профессор Департамента общественных финансов Финансового университета

Ричард Вольф — американский экономист, заслуженный профессор экономики Массачусетского университета в Амхерсте. В 1963 году окончил Гарвард, получив степень бакалавра истории. Имеет степени магистра экономики, магистра истории, доктора экономики. Ричард Вольф марксист, был кандидатом в мэры Нью-Хейвена. Предлагаем вниманию читателей фрагмент его интервью радиопрограмме "Письма и политика" с ведущим Митчем Есерихом, посвящённый банковскому кризису в США.

— Сегодня мы поговорим о банкротстве двух американских банков: Silicon Valley Bank в Калифорнии и Signature Bank в Нью-Йорке. Ричард, мы с Вами познакомились как раз во время коллапса банковской системы в 2008 году. Тогда, в первые дни, я не понимал, что происходит, и обратился к вам, чтобы вытащить себя из этой интеллектуальной ямы. Моя реакция на кризис марта 2023 года сейчас аналогичная. У вас есть замечательная способность простыми словами рассказывать о том, что кажется трудным для понимания. Итак, позвольте мне задать первый вопрос. Что нам всем нужно понять в связи с крахом этих двух банков?

— Начну с того, что всё происходящее несложно для понимания. Большая часть трудных для понимания разговоров, которые вы слышите от руководителей и регулирующих органов, предназначена именно для того, чтобы отвлечь ваше внимание. Они настолько всё усложнили, что ни один здравомыслящий человек не стал бы это слушать. Я также хочу сказать вам, исходя из личного опыта, что люди, которые управляют нашими банками, не самого великого ума. Так что не особо доверяйте тому, что они говорят. Приведу пример. Это было совсем недавно, 11 марта. В известном подкасте The Intercept процитировали президента Silicon Valley Bank, человека по имени Грег Беккер, который, обращаясь к Конгрессу, просил ослабить банковское регулирование. Он сказал: "Учитывая низкий профиль риска нашей деятельности..." Этот человек рассказывает Конгрессу, насколько низкий уровень риска имеет его бизнес, а этот "самый низкий риск" взял и обрушил банк в прошлые выходные.

Возвращаясь к вашему вопросу: как устроена сейчас деятельность банка? Коммерческие банки принимают депозиты как от частных лиц, то есть от нас с вами, так и от коммерческих организаций. Я уверен, вы заметили, что эти депозиты банки редко отдают обратно. Они стараются их пролонгировать, предлагают вам другие банковские продукты. Вы вдруг становитесь благодарны им за то, что они вообще этот депозит для вас держат. Затем они берут ваши деньги и скупают их туда, где они могут получить самую высокую доходность: корпоративному заёмщику, физическому лицу для использования в качестве своей кредитной карты, инвестируют в ценные бумаги и так далее. Другими словами, банк живёт за счёт разницы между тем, что он платит вам (очень мало) и тем, что он получает, ссужая ваши деньги. Эта разница может быть значительной.

Одна из самых популярных инвестиций банков — покупка государственных облигаций. Другими словами, банки берут депозит, который вы внесли, и скупают его правительству Соединённых Штатов. В общем, это и сделал Silicon Valley Bank. Он привлекал депозиты, выдавал кредиты местным начинающим компаниям (стартапам) и покупал государственные облигации. За несколько лет на этой разнице банк заработал кучу денег. Потом в Калифорнии начались первые трудности в сфере IT. Сотни тысяч IT-сотрудников потеряли работу, в основном в Силиконовой долине. А если высокотехнологичная компания сокращает свою деятельность, то она кладёт меньше депозитов в банк. Точно так же люди: их вклады начали сокращаться. Но возникает ещё и риск оттока депозитов: а что если клиенты хотят забрать депозиты обратно? Это единственное, что может сделать банк, это продать государственные облигации и получить деньги за них. Но так ли это легко? Облигации, как и любой финансовый актив, имеют цену и на фоне кредитно-денежной политики центрального банка США (ФРС) эта цена начинает падать. Почему? Потому что, чтобы бороться с инфляцией, которая действительно создаёт проблемы для американской экономики, центральный банк США (ФРС) повышает процентные ставки. Что же произошло с Silicon Valley Bank? Цены облигаций пошли вниз, поэтому у банка не было средств, чтобы удовлетворить требования вкладчи-

СТРАХ И ПАНИКА
О банковском кризисе в США простыми словами

ков, которые хотели вернуть свои деньги. А потом топ-менеджмент совершил фатальную ошибку, потому что, как я уже говорил, это не самого великого ума люди. Банк вышел на рынок и заявил, что им нужно больше денег, больше капитала и предложил разместить свои акции. Размещение не состоялось, после чего клиенты стали забирать из банка депозиты. Основная масса вкладов там не была застрахована, были опасения, что сбережения сложно будет получить обратно. И банк рухнул. Silicon Valley Bank не имел достаточно денег в государственных облигациях США, чтобы покрыть отток депозитов. Скажем прямо, банк не смог профессионально и эффективно распорядится депозитами, которые доверили ему вкладчики. Юристы бы сказали, что он нарушил свои фидуциарные обязанности.

Что важно понимать в этой ситуации? Деньги — это смазка для экономики капиталов. Деньги — это то, что нам платят. Деньги — это то, что мы тратим, чтобы купить себе еду, одежду. Мы все зависим от денежной системы. При этом мы позволяем частным банкам оказывать огромное влияние на денежную систему. Если вы поговорите с этими банками, они честно скажут вам: мы в бизнесе, чтобы получить прибыль. Если мы получаем прибыль, мы движемся вперёд, получаем больше уважения, больше денег. Если мы не получаем большой прибыли, это дискредитирует нас. То есть, мы все, наше общество и наша экономика зависим от этой системы капитала. И мы отдали её в руки людей, которые занимаются бизнесом не в соответствии с потребностями общества, не в соответствии с тем, что нужно людям. Они заняты зарабатыванием денег для своего банка и для себя.

Конечно, есть и сейчас люди-миллионисты, которые говорят вам: "Если каждый из нас волшебным образом заработает деньги для себя, это станет в итоге совокупным общественным благом". С такими людьми не о чем говорить. Люди, которые цитируют Адама Смита, забывают, что он всё время говорил о том, как капиталисты надуют вас, если вы дадите им хотя бы половину шанса. Про это обман мы забываем. Мы почему-то постоянно говорим про "невидимую руку", ведущую нас. Но лопуха-то в том, что "рука рынка" не невидима. Если вы отдадите свои финансовые дела в руки банкира, он хорошо поработает над получением "видимой" прибыли для банка. Это его система вознаграждения. Это его система наказания. И мы видим результаты. Они сделали то, что было хорошо для них: заработали много денег, включая самого руководителя Silicon Valley Bank, Грега Беккера. Миллионы и миллионы долларов. Потом, когда они создали огромный кризис во всём обществе, кто должен их спасти? Вплне себе простые люди, обычные налогоплательщики. Известный в Нью-Йорке экономист Нуриэль Рубини хорошо сформулировал текущую ситуацию: "Мы — система, в которой доходы приватизируются, а расходы обобществляются". То есть государство должно самым "видимым образом" спасать проблемные банки, после того как их топ-менеджмент положил себе в карманы доходы от денег вкладчиков.

Это, конечно, по-своему, курьёзно. Мы живём в обществе, которое говорит: "У нас проблемы с инфляцией". Если у вас есть проблемы с инфляцией, то почему центральный банк США безлимитно даёт деньги любому банку в системе? Это всё равно что пытаться потушить пожар, заливая его керосином. Очевидно, в нашей финансовой системе слишком много проблем одновременно. Решение одной ведёт к появлению другой. ФРС поднимает процентные ставки, чтобы остановить инфляцию, получается банковский кризис. ФРС компенсирует банковский кризис вливанием новых денег, и что в результате мы получим опять? Инфляцию? Круг замкнулся. Коллапс. В ответ наши политические лидеры лишь обвиняют друг друга, и это настолько неадекватно проблеме, что действительно делает всё только хуже.

— В прессе активно обсуждается (и это исходит от самого президента США), что для обеспечения выплат не будут использованы деньги налогоплательщиков. Что тогда это будет? Какой-то кредит?

— Да, эти комментарии всегда удивительны. Федеральная корпорация по страхованию депозитов (FDIC) может столкнуться с проблемами, чтобы обеспечить всех вкладчиков, но известно, что у FDIC нет таких денег. Поэтому первое, что сделает FDIC, на что у неё есть законное право, — повысит налог на банки. Они должны платить в этот фонд, чтобы получать страховку, которую могут предложить своим вкладчикам. И угадайте, что банки сделают, когда им нужно будет заплатить эти дополнительные сборы? Они заставят расплачиваться за это всех нас, повышая комиссии, занимая депозитные ставки. Разве это не форма дополнительной налоговой нагрузки?

Второй самый очевидный вариант — это бессрочная нагрузка на обычных граждан во время инфляции. Ведь если инфляция по-прежнему будет высокой и этот период станет продолжительным, это тоже налог. Почему? Потому что уровень инфляции заметно выше, чем темпы роста заработной платы. Так что каждую минуту, пока эта инфляция продолжается (а теперь она либо увеличится, либо продлится дольше, либо и то, и другое), — она становится ещё одной формой давления на население.

И, наконец, никто не знает, какими будут все последствия этого банковского кризиса. Я говорю не о мегабанках, как Bank of America или Wells Fargo Bank, а о банках среднего уровня. Они сейчас находятся в ужасной ситуации. Именно небольшие банки обслуживают значительную часть американской экономики, особенно средний и малый бизнес. У них будут всевозможные трудности в будущем. Правительство будет призвано помочь им, и в этот момент придётся ввести налоги.

— Когда читаешь прессу и мнения разных аналитиков, почему-то возникает ощущение, что ситуация в банковском секторе была и остаётся под контролем. Но то, что я слышу от вас, не так оптимистично, вы не согласны с консенсус-мнением?

— Дело в том, что никто не знает, что в действительности происходит. Если бы я сказал вам определённо: "Ситуация не под контролем", — то это было бы столь же бессознательно, как и слова об обратном. Я надеюсь, что под контролем. Они надеются, что под контролем. Но это всё, что может быть на данный момент. Я не хочу никого утомлять, но напоминаю, что в 2007 году, когда мы начали понимать, что ипотечные кредиты не выплачиваются, все, вплоть до президента Джорджа Буша, заверяли, что это ограниченная проблема. Она под контролем. Они уверяли нас всю вторую половину 2007 года, первую половину 2008 года. Только к осени, в августе, когда Bear Stearns рухнул, масштаб трагедии стал очевиден. Сейчас масштаб проблемы неизвестен. Фактическое банкротство европейского Credit Suisse, неопределённость вокруг Deutsche Bank — всё находится на грани. Все задаются вопросом: что может стать той самой последней каплей в пресловутой чаше терпения, после которой всё выплеснется наружу? Мы знаем, что у европейских банков много проблем. Регулирование там жёстче, чем здесь. То есть, ещё раз повторюсь: на данный момент просто невозможно понять, о каких проблемах идёт речь. На основе каких налогов будут реализовываться правительственные меры поддержки банков.

— Вернусь с сказанному ранее, а именно к причинам кризиса в банковском секторе, к краху Silicon Valley Bank. Уверен, что большинство людей слышали об этих крупных сокращениях рабочих мест в IT-секторе в начале года и, конечно, о росте процентных ставок на фоне инфляции. Это основные причины или вы можете назвать что-то ещё?

— Сокращение занятости в сфере высоких технологий должно было стать громким предупредительным сигналом для чиновников и регуляторов ещё в начале года. Как вы думаете, что значит, если сотни тысяч людей, многие из которых по американским стандартам получают вполне приличную зарплату, внезапно переживают финансовый крах? У всех этих

людей есть ипотечные кредиты, а это значит, что денег нет не только у них, но и у банков, которые выдают им кредиты. Мы — взаимосвязанная система. Капитализм связан нас за последние два-три столетия невиданными ранее способами. И связан нас так, что порой крошечная группа руководителей принимает решения в комнате, о которой мы даже не знаем. И если их спросят вдруг, почему депозиты так неэффективно были использованы, почему вернуть их сейчас нельзя, у них не будет ответа. Но я могу ответить. Потому что это было им крайне выгодно. Акционеры и высшее руководство — это люди, которые получают в свои руки богатство всего общества. Они убеждают нас: "Мы сделаем все, мы сделаем то, будем надеяться, что правительство поможет", — при этом делают всё, чтобы блокировать реформы, ограничивающие их доходность. Это происходит с каждой реформой. После Великой депрессии в 1930-е годы у нас была реформа под названием Закон Гласса — Стиголла, направленная на ограничение возможностей банков. В 1999 году Закон

Гласса — Стиголла был окончательно отменён президентом от демократов Биллом Клинтонном. После финансового кризиса 2008–2009 годов с большими усилиями были проведены следующие реформы — Закон Додда — Франка. Что случилось с ним? После того, как был принят, испытал противодействие. Затем пересмотрен и аннулирован благодаря Дональду Трампу, президенту уже от республиканцев. И вот, пожалуйста, сейчас мы сталкиваемся со следующим финансовым кризисом. Всё повторяется, это часть истории капитализма. Моя жена — психотерапевт. Она научила меня важной психологической концепции отрицания. Я чувствую, что далеко не единственный, кто понимает всю цикличность этого банковского кризиса. Мы стараемся анализировать и объяснять происходящее. Ведь это не сложно. Но проблема в том, что люди не хотят это видеть. Они не хотят думать о глубокие проблемы, потому что боятся того, куда это их заведёт, и их страх оправдан. Понимание того, что решения в рамках действующей системы нет, саморазрушительно.